

План казался безупречным. Скрыв искорки темной ци, Шэнь Эр принял свой человеческий облик.

Лик его, несмотря на прошедшие триста с лишним лет, ничуть не изменился — всё тот же благородный, пленяющий красотой облик. Легкое светлое ханьфу мягко облегло тонкую талию, а смоляные волосы шелковистым водопадом ниспадали до самой поясницы.

Заправив выбившийся локон за ухо, Шэнь Эр опустил взгляд и приложил ладонь к животу. Под пальцами чётко ощущалось лёгкое, размеренное дыхание, а сам живот едва заметно округлился. Неужели он и впрямь носил под сердцем дитя?

С самого своего рождения он и помыслить не мог о подобном. Настоящее чудо... или недоразумение. Все прошлые воплощения Великого зла Сумина возникали из людских пороков и ненависти, сгущаясь из абсолютной тьмы. Но чтобы порождение зла родилось от союза с человеком... Унаследует ли младенец природу Великого зла?

Быть может, дитя станет полудемоном. В худшем же случае верх возьмёт могущественная кровь Гу Минчжоу, и на свет появится обычный смертный. Что тогда делать? Куда податься?

Немного поразмыслив, Шэнь Эр твердо решил: кем бы ни родился ребёнок, он вырастит из него истинное воплощение тьмы. Тот обязан унаследовать его дело. Наследник Сумина ни за что не станет мягкосердечным, праведным человекишкой, защищающим добро.

— Дитя моё, твоё имя будет... — Шэнь Эр сокрушённо вздохнул и со всей серьёзностью вымолвил: — Шэнь Чаохуай.

Чаохуай — Невероятно Злой. В этих словах заключена вся отцовская надежда: творить бесчинства, копить грехи и не совершать ни единого доброго поступка, дабы стать великим злом, которым будут гордиться предки.

"Однако прежде, чем ты увидишь свет, — мысленно дал себе клятву Шэнь Эр, — отец обязан избавиться от Гу Минчжоу. Нельзя позволить этому праведнику совратить тебя на путь добродетели".

Гора Фуфэн

Моросил мелкий дождь. Лунный свет медленно разгонял горный туман. По узкой тропе к пещере бесшумно шагал меченосец в белоснежных одеждах.

Хоть Гу Минчжоу никогда прежде не бывал на горе Фуфэн, каждое дерево, каждый утёс казались ему знакомыми — словно неизгладимое клеймо из глубокого прошлого.

Ещё в детстве глава клана Гу поведал ему о его предназначении. Раз в столетие в роду Гу рождался гений, которому даровалось имя Минчжоу — «Светлый День». И единственной задачей носящего это имя было заточение Великого зла.

Великие сущности зла отличались от обычных демонов и монстров. Если те просто творили бесчинства, то Великое зло зарождалось из самой тьмы людских душ. Оно питалось людской ненавистью, пороками и злобой демонов, не имея иной цели, кроме полного уничтожения трех миров и погружения их в вечный хаос.

Гу Минчжоу помнил древние записи о великом зле, заточенном на горе Фуфэн. Это было древнее Великое зло по имени Сумин. Его сила и возраст оставались неизвестными, но это было великое зло, отнесённое к высшему разряду зла.

Про прочих монстров подобного ранга хроники вещали исчерпывающе: «Сей демон пожирает людские сердца, краток умением и невероятно хитёр, проявляйте крайнюю осторожность» или «Сущность сего зла безумна и уподоблена дикому зверю, запечатать невозможно — уничтожить без промедления».

Но первый Гу Минчжоу оставил о Сумине лишь несколько размашистых иероглифов:

«Глуповат, но невероятно красив».

Когда Гу Минчжоу впервые прочёл эту запись, у него возник лишь один вопрос: «Что за вздор?»

Впрочем, неважно. Любая нечисть заслуживает лишь смерти.

Сырая тропа привела его к огромному гроту. Один лишь взгляд на зияющий зев пещеры позволял представить, насколько чудовищное создание было в нём заточено. Из глубины тянуло ледяным, колючим сквозняком, слегка шевелившим полы его белоснежного халата.

Взгляд меченосца сделался холоден. Чуть опустив бамбуковую шляпу-доули, он бесшумно высвободил меч из ножен.

Взглянув на каменный свод, Гу Минчжоу неожиданно заметил вырезанные на скале надписи:

«Гу Минчжоу, чтоб тебя***!»

«Ненавижу тебя, проклиная, проклиная!»

«Этот Гу — неспособный кастрат и обрезчик рукавов!»

«У Гу Минчжоу пиписька короче некуда!»

Гу Минчжоу замер.

"И какому подлецу хватило ума это высечь?"

В то же мгновение перед глазами всё пошло чёрными точками — свет стал гаснуть, точно поедаемый тьмой.

Взгляд Гу Минчжоу даже не дрогнул. Он мгновенно понял, что попал под воздействие вражеского заклятия.

— Сей сглаз именуется Проклятием Ослепления.

Холодный голос раздался у самого уха. Гу Минчжоу остался неподвижен. Стало быть, это заклятие лишает зрения?

Способностями духовного чутья он отчётливо видел, где находится Сумин. Однако странное дело — Гу Минчжоу не ощущал от него ни капли жажды крови. С его уровнем культивации скрыть от него убийственные намерения было невозможно. Выхода два: либо противник превосходит его силой, либо у того вовсе нет намерений убивать. Впрочем, оба варианта казались абсурдными.

Гу Минчжоу и не подозревал: его противник прекрасно знал о собственной беспомощности и изначально не собирался драться. Он вознамерился разыграть грандиозную драму!

— Как же долго ты заставил меня ждать, Гу Минчжоу... Минуло триста лет, и мы снова встретились.

Голос гремел из-за спины. Гу Минчжоу мгновенно отпрянул в сторону, и в тот же миг место, где он только что стоял, с грохотом разлетелось в крошку от удара когтей.

Подобных речей от запечатанных великих зл Гу Минчжоу наслушался сполна. Похоже, все они были великими злами, запечатанными первым Гу Минчжоу.

— В этой жизни ты выглядишь совсем юным... У тебя могло быть светлое будущее, так почему же ты вечно нарываешься?

Голос Сумина звучал мрачно, не позволяя разгадать его истинный замысел. Гу Минчжоу оставался хладнокровен. Сгустив духовную ци, он быстро развеял Проклятие Ослепления.

Пелена перед глазами мгновенно рассеялась. В его тёмных, как ночь, зрачках отразился слабый лунный свет.

Лишь сейчас Гу Минчжоу смог разглядеть Шэнь Эра. Лик того оказался ослепительно ярким и выразительным. Ничего общего с коварным, мрачным демоном, соблазняющим смертных, не было. Особенно пленяли его глаза — чистые, точно весенняя вода, они искрились мягким светом. В нём сочетались утончённое благородство и изящество, ничем не напоминавшие облик порождения тьмы.

Гу Минчжоу на миг замешкался, и этой секунды Шэнь Эру хватило, чтобы мёртвой хваткой вцепиться ему в горло.

— Гу Минчжоу, — выдохнул Сумин, и в его голосе прозвучал безумный смешок. — Приятно было тискать кролика?

"Кролика? Какого ещё кролика?"

— Бессердечный предатель, я ношу под сердцем твоего ребёнка!

Шэнь Эр сжал пальцы на его шее и со всей дури обрушил сверху тяжёлый «кроличий кулак» прямо в челюсть меченосцу.

Уклонившись чисто на инстинктах, Гу Минчжоу нахмурился и взмахнул мечом. Какой ещё кролик? Какое дитя? Он видит Сумина впервые в жизни. Да и к тому же, перед ним мужчина — как он вообще может родить?

Видя, что удар не достиг цели, Шэнь Эр обрушил на шею противника "кроличье рубящее ребро ладони". Однако Гу Минчжоу просто перехватил его тонкое запястье, с лёгкостью остановив атаку.

— Разве ты не ослеп?! — изумлённо уставился на него Шэнь Эр.

Взгляд Гу Минчжоу, под насупленными бровями, был чист и ясен. Подобное заклинание снималось элементарной заклинательной формулой.

Гу Минчжоу не стал тратить слова на объяснения. Одним точным движением он прижал Шэнь Эра к каменной стене пещеры и произнёс безразличным тоном:

— Ты прав, в этот раз всё иначе. Нынче ты сложишь здесь голову.

Морозный блеск обнажённого клинка отразился в зрачках Шэнь Эра. Перед глазами мгновенно всплыл образ трёхсотлетней давности, когда лезвие меча Гу Минчжоу вонзилось

ему прямо в сердце.

Вздвогнув всем телом, Шэнь Эр вложил в свою игру всю душу:

— Что ж, давай! Коли кишка не тонка — убей меня! Убей меня вместе с твоим собственным дитя у меня в животе, пусть мы оба сгинем!

"Собственным дитя?.."

У Гу Минчжоу нервно задёргалась жилка на виске. За всю жизнь он и близко не ведал плотских утех, и уж точно не ожидал, что однажды его нагло обвинят в отцовстве.

— Дитя моё, в следующей жизни смотри внимательнее, у кого рождаться! Не выбирай отцом подлеца с фамилией Гу! — продолжал нагло причитать Шэнь Эр.

Шумный какой.

Гу Минчжоу намеревался покончить с ним одним ударом, но вопреки здравому смыслу всё же направил духовное чутьё к животу Шэнь Эра.

На склоне горы его дожидались Су Цинянь и Лянлян, а он торчит здесь и препирается с демоном. Раньше он не раздумывая разрубил бы тварь пополам. Но если у Сумина в животе и впрямь бьётся живое сердце... Какова бы ни была природа этого плода, это живая душа. Погубить невинную жизнь — значит нанести урон собственному даосскому пути и культивации.

Духовное чутьё не могло проникнуть вглубь тела Шэнь Эра — тот казался лишь сгустком хаотичной тёмной ци.

Невозможность проверить плод духовной силой вывела Гу Минчжоу из себя. Потеряв терпение, он сжал щёки Шэнь Эра одной рукой, а второй бесцеремонно коснулся его живота.

Живот и впрямь слегка округлился, на ощупь казался мягким и упругим. И, как ни странно, очень приятным. Глядя эту мягкость, Гу Минчжоу ощутил, как раздражение неожиданно улетучивается.

— Почувствовал дыхание своего дитя? Даже собственного ребёнка узнать не можешь, до чего же вы, люди, жалки и глупы...

Гу Минчжоу с серьёзным видом помял мягкий живот Шэнь Эра ещё пару мгновений, после чего поднял взгляд и невозмутимо изрёк:

— Ты просто объелся.

Шэнь Эр, готовый продолжить брань, осёкся:

—?

— Что значит «объелся»?! Это твой ребёнок, а ты смеешь отнекиваться! Ха-ха-ха, я всё понял! Ты нарочно это говоришь, чтобы избавиться от нас обоих! Чтобы никто не узнал, как ты убил собственного сына, мгм-мгм...

Гу Минчжоу просто зажал ему рот ладонью и, немного помолчав, заметил:

— Мужчины не рожают. Ты этого не знал?

Шэнь Эр:

— Ммм-мгм!

Гу Минчжоу усмехнулся:

— К тому же, как ты докажешь, что ребёнок мой? Мне доводилось видеть немало демонов, предающихся разврату.

Шэнь Эр:

—?!! Мгм-мгм-мгм-мгм!

Гу Минчжоу смерил его прохладным взглядом и убрал руку.

Глотнув воздуха, Шэнь Эр без промедления обрушил на меченосца новый шквал обвинений:

— Днём ты обнимал меня, гладил по животу и хвосту, а теперь делаешь вид, будто ничего не было?! Натянул штаны и знать меня не хочешь?! Поздно! Хочешь убить — убивай, но в моём животе ребёнок с человеческой кровью! Убьёшь человека — навлечёшь на себя тяжкий грех!

"Гладил по животу и хвосту?.."

Гу Минчжоу оглядел Шэнь Эра с ног до головы и спокойно спросил:

— И где же у тебя хвост?

Шэнь Эр распинаясь полчаса, а этот мерзавец лишь лёгким движением ушёл от ответа! От ярости Шэнь Эр готов был загрызть его на месте. Он ткнул ногой в землю, и вокруг него тут же взвилась струйка сизого дыма.

Подумав, что тот вознамерился сбежать, Гу Минчжоу выбросил руку вперёд, но вместо человека сжал в ладони маленький пушистый комок.

Ощувив под пальцами нежнейший мех, Гу Минчжоу замер на месте и чисто автоматически потискал пушистика.

— Ты опять за своё?! — раздался писк, и в лицо Гу Минчжоу полетел «кроличий удар с ноги».

Гу Минчжоу ловко сцапал зверька за лапу и подвесил головой вниз. Игнорируя яростный писк и ругань, он внимательно разглядывал кролика, после чего тихо усмехнулся:

— Вот оно что.

Нашёлся глупый кролик, уверовавший, будто от простого прикосновения можно забеременеть, и вознамерившийся угрожать ему этой ахинеей.

Шэнь Эр, крепко зажатый в его пальцах, отчаянно барахтался, не прекращая грозно пищать:

— Теперь-то понял?! Стоит лишь погладить мою истинную форму, как я понесу от тебя ребёночка! Убей меня, если смеешь, и тогда плод превратится в мстительного духа, который будет преследовать тебя вечно... Эй, ты... ты чего удумал?!

Ладонь вдруг изменила положение, и кролик аккуратно опустился на широкую руку меченосца. Сверху донёсся тихий, ироничный голос:

— А не хочешь родить мне ещё одного прямо сейчас?

Шэнь Эр:

—?

— Что ты имеешь в виду?!

Впрочем, он быстро понял, что имел в виду Гу Минчжоу: прохладные пальцы нежно коснулись его кроличьего животика.

— Не надо! — в панике заверещал Шэнь Эр, пытаясь отпрянуть, но вторая рука Гу Минчжоу лишила его малейшей возможности сбежать.

Пальцы принялись увлечённо и знающе поглаживать мягкую шерстку на животе. Затем меченосец мягко прижал кроличий загривок и двинулся ниже — к самому чувствительному месту, к хвостику.

Шэнь Эр не выдержал и жалобно запищал, его голос дрожал, а в глазах стояли слёзы:

— Я же правда забеременею... Прочь...

— Ты же сам хотел доказать, что дитя от меня? — с деланным неведением отозвался Гу Минчжоу. — Вот и покажи, как именно ты это делаешь.

— Ах ты...

Закусив губу, Шэнь Эр с покрасневшими от обиды глазами не смог найти ни единого аргумента. Маленькое тельце съёжилось в широкой ладони, покачиваясь в такт движениям пальцев, точно лодочка в бушующем море. Под этими ласками он вскоре вовсе потерял способность связно говорить.

— Гу Минчжоу, кара небесная настигнет тебя... Я проклинаяю тебя... проклинаяю...

"Ишь, проклиная ещё".

Уголки губ Гу Минчжоу чуть приподнялись. Пальцы меченосца наконец накрыли маленький пушистый шарик кроличьего хвоста и слегка сжались.

На ощупь действительно неплохо.

Стоило коснуться хвоста, как Шэнь Эр вздрогнул всем телом. Слёзы моментально застлали его взор, и вся тушка кролика безвольно обмякла в руках Гу Минчжоу.

Гу Минчжоу невольно замер: до его носа донёсся сладковатый, истома-дурманивший аромат, исходивший от зверька. В то же мгновение глубоко в груди вспыхнул и мгновенно разошёлся по телу жаркий огонь.

Сжав зубы, меченосец судорожно сглотнул.

"Скверно".

И что это, к чёрту, за проклятие?!

<http://bllate.org/book/20310/2105980>